

День, когда Янь Эрси стала супругой Второго молодого господина Чжоу, положил начало её бесконечному кошмару. Молодой господин, как и судачили в народе, действительно оказался слабоумным калекой, неспособным и шага ступить без посторонней помощи. Войдя в этот дом, Янь Эрси была вынуждена не просто исполнять обязанности послушной невестки, но и фактически заменить мужу мать, взвалив на свои плечи все заботы о его повседневной жизни.

Первая же брачная ночь обернулась для неё насилием — супружеское ложе пришлось делить против воли. Старшая молодая госпожа Чжоу была бесплодна, и потому бремя продолжения рода безжалостно взвалили на плечи беззащитной Янь Эрси. Да и для чего ещё её покупали за такие огромные деньги?

Коль скоро старшая невестка не могла разродиться наследником, а второй сын рос дурачком, Первый молодой господин счёл своим долгом «прийти на помощь». Янь Эрси, чистая душой и миловидная лицом, оказалась лёгкой добычей. Там, куда не дотягивался невидящий взор её слабоумного супруга, старший брат безнаказанно забавлялся со своей новой игрушкой.

Заполучив прилежную и покорную невестку, чета Чжоу не могла нарадоваться. При людях свёкор со свекровью обходились с ней ласково и выказывали должное уважение. Однако это лишь разжигало зависть в сердце Старшей молодой госпожи. Видя, как всё внимание достаётся жалкой девчонке, чья юная красота лишь подчёркивала её собственное увядание, бесплодная женщина исходила злобой. Она знала: если не сломить строптивую невестку сейчас, то, родив наследника, та и вовсе сядет ей на шею.

Муж — безумен, деверь — жесток и ненасытен, старшая невестка — удушающе завистлива, а свёкры озабочены лишь продолжением рода. В этой юдоли безропотного страдания, где её жизнь не стоила и гроша, случилось то, чего все они так ждали: Янь Эрсि забеременела.

Шорох прохладного летнего ветра колыхал листву. Янь Эрси, облачённая в простое лазурное платье, стояла под раскидистой ивой, бережно придерживая округлившийся живот. На её бледной щеке багровел свежий след от пощёчины — левая сторона лица распухла так, что на несчастную больно было смотреть.

У Старшей молодой госпожи снова пропал браслет, который совершенно случайно обнаружился в комнате Янь Эрси. Подобные обвинения сыпались на неё каждые несколько дней. Поначалу она пыталась оправдываться и спорить, но после бесчисленных побоев оставила эти тщетные попытки. Обида притупилась, уступив место равнодушию.

Под порывами ветра она ласково гладила живот. Это дитя зародилось в насилии, и само его существование намертво приковало её к ненавистному дому Чжоу, лишая малейшей надежды на спасение.

От нахлынувшей тоски слёзы сами покатались по её щекам. Облик того, кого она любила всем сердцем, стёрся в тумане обречённости — им больше не суждено встретиться. Она сама когда-то отвергла его заступничество, а теперь, став чужой женой, не смела даже думать о свидании.

Да и кем он был ей теперь? Лишь чужаком.

Внезапный порыв ветра принёс с собой едва слышную, щемящую тоску бамбуковой флейты. Янь Эрси вскинула голову, силясь отыскать взглядом музыканта, но вокруг не было ни души. Лишь нежные лепестки цветущего абрикоса беззвучно осыпались с изогнутых карнизов крыши.

Мелодия «Луны над заставой Гуаньшань» была его самой любимой. И потому стала любимой для неё.

Минул положенный срок. Но долгие муки завершились страшным ударом: дитя родилось мёртвым. Младенец так и не издал своего первого крика, его безжизненное тельце покрывали зловещие синюшные пятна. Те, кто питал робкую надежду, погрузились в глубокое отчаяние; те же, кто изошрённо строил козни, торжествовали победу.

Не сумев исполнить свой единственный долг перед родом Чжоу, Янь Эрси оказалась заперта в кошмаре, от которого не суждено было очнуться. Попрёки и жестокие побои стали её обыденностью. Истязания при свете дня сменялись глумлением под покровом ночи. От прежней весёлой, сияющей юности девушки не осталось и следа.

В один из морозных зимних дней, когда землю укутал плотный саван снегопада, Янь Эрси заставили стоять на коленях прямо в сугробе. Её била мелкой дрожь, а на исхудавшем лице синели свежие следы от ударов.

Пронизывающая стужа сковывала тело, ледяной ветер пробирал до самых костей. На тонких бровях Янь Эрси выступила изморозь, а губы потрескались и запеклись от холода. И вдруг посреди унылого серого неба закружили крупные хлопья, но вместе с ними в вышине завертелись нежные абрикосовые лепестки, ложась на её плечи цветастым узором.

Прохожие на улицах, поражённые невиданным чудом, восторженно закричали, указывая пальцами на небеса и сзывая зевак полюбоваться этой невероятной картиной.

— Снег! Смотрите, настоящий снег! И цветы абрикоса... Какая красота!

Янь Эрси подняла изнеможённое лицо к небу, безмолвно созерцая танец алых лепестков и белых снежинок, и протянула окоченевшую ладонь, силясь поймать мимолётное чудо.

Нежный лепесток опустился на её кожу. Присмотревшись, она различила на нём крошечные, едва заметные письмена:

«Абрикосовый цвет кружит в метели седой, до конца моих дней я буду только с тобой».

Это и была третья картина, запечатлённая на каменной стене.

Четвёртый рисунок казался блёклым, смазанным, словно лишившимся всяких красок.

На нём Хуа Маньсян стоял в кольце даосских заклинателей. Вокруг толпились жители Городка Молодого Вина, потрясая горящими факелами. Впереди всех возвышались Старый господин Чжоу и его старший сын. Истерзанная, облачённая в грязное тряпье Янь Эрсинь бессильно никла в цепкой хватке деверя позади оцепления.

Второй молодой господин Чжоу лишился жизни, а Старшая молодая госпожа приняла лютую смерть от рук Хуа Маньсяна. Об этом прознал и сам Старый господин Чжоу, и все прочие горожане. Но пугало их не столько само кровопролитие, сколько ужасающая правда: этот утончённый юноша оказался демоном.

«Так вот почему все девицы в округе сходили по нему с ума! Вот почему на дом Чжоу обрушились несчастья, а у нас самих дела шли прахом! Всё это козни проклятого отродья! Да и девка его — наверняка ведьма. Пока мы не истребим этих тварей, покоя нам не видать!» — роптала разгневанная толпа.

— Проклятый демон! — донёсся яростный вопль из толпы, и кто-то швырнул горящий факел прямо в Хуа Маньсяна. — Это из-за твоего колдовства я проигрался в кости до нитки! Сдохни, тварь!

Огненный снаряд полетел в лицо юноше, рассыпая вокруг снопы искр. Хуа Маньсян, уязвимый перед бушующим пламенем, в испуге закрылся руками, силясь избежать удара.

— Глядите! Он боится огня! — закричал зачинщик, торжествующе указывая на него пальцем. — Бросайте факелы! Сожжём ублюдка живьём!

Ослеплённая яростью толпа дружно ринулась вперёд. Десятки факелов полетели в кольцо заклинателей, безжалостное пламя охватило Хуа Маньсяна. Огонь жаднолизал плоть, его тело покрывалось страшными ожогами, а из ран непрерывным потоком струилась тёмная кровь.

Видя его предсмертные муки, Янь Эрсинь зашла в безмолвном рыдании. Собрав последние силы, она рванулась из рук державшего её мужчины, подбежала к одному из даосов и единым движением выхватила у него из ножен меч, прижав холодное лезвие к собственному горлу.

Именно она была живым средоточием, сердцем этого карающего массива. Стоило её жизни угаснуть — и путы, сковывавшие возлюбленного, рассыпались бы прахом, избавив его от всепожирающего пламени.

Заметив её безумное намерение, Хуа Маньсян в ужасе забился в невидимых оковах. Он рвался к ней, сгорая заживо, но барьер не пускал его. Ему оставалось лишь беспомощно кричать сквозь гул пламени:

— Нет! Не смей!

Слёзы застилали взор Янь Эрси, размывая очертания дорогого лица. Ей отчаянно хотелось смотреть на него вечно, не отрываясь ни на миг... Но этот взгляд должен был стать последним.

— В этой жизни нам досталось слишком много горя, — прошептали её дрожащие губы. — Молю лишь об одном: пусть в следующем воплощении наши пути никогда больше не пересекутся.

Любовь, обиды и ненависть земного пути оборвались в одно мгновение. Острое лезвие легко скользнуло по нежной коже, и Янь Эрсि рухнула на холодную мостовую в лужу собственной крови.

Гибель той, кто держала его на краю бездны, разрушила сдерживающий массив. Обезумев от горя, Хуа Мансян издал дикий, полный нечеловеческой муки вопль, содрогнувший небеса. Сметающая всё на своём пути демоническая мощь вырвалась на свободу. Он рванулся вперёд, не обращая внимания на летящие в него факелы и попытки заклинателей восстановить барьер, и бережно прижал к груди безжизненное тело возлюбленной.

Окровавленный лик демона исказила ярость, а его налитые багрянцем глаза вперились в застывшую от ужаса толпу. Он запомнил каждого.

Под покровом безлунной ветреной ночи над безмолвным городом раздался зловещий крик воронья. А наутро сквозь редкие ветви цветущих абрикосов пробились первые лучи солнца, осветив устилавшие улицы мёртвые тела.

<http://bllate.org/book/20579/2140588>